

*В.В. Качанова (Россия, Самара)
Научный руководитель Е.Н. Сергеева*

ПОЭТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ В. ШАРОВА И ИХ РОЛЬ В РОМАНЕ «СТАРАЯ ДЕВОЧКА»

В статье анализируется формирующаяся тенденция современной отечественной литературы к использованию категорий памяти и истории в качестве сюжетообразующих концептов: благодаря включению мемуарно-дневниковых элементов на поэтологическом уровне в романе В. Шарова «Старая девочка», автор формулирует субъективное видение исторического, бытового и малого в контексте глобальных событий эпохи. Через дневники Вера Радостина, главная героиня произведения, пытается не только справиться с давящими обстоятельствами, но и прийти к себе настоящей.

Ключевые слова: *память как концепт, историческая метафора, мемуарно-дневниковые записи, мнемонический дискурс, безвременье.*

В отечественном литературном дискурсе последних двух десятилетий наблюдается тенденция, в соответствии с которой все чаще встречаются произведения (прежде всего – тексты эпические, романы), художественно осмысливающие тему памяти и вспоминающего сознания, рассматривающие её в сопряжении с проблемой субъективного видения - исторического и бытового. Идеологической истории XX столетия противопоставляется история другая – личная, определяющая, впрочем, действительность глобальную, общую. Отражение подобной проблематики характерно для романа В. Шарова «Старая девочка», анализу которого и посвящена данная статья.

Деконструируя в своих произведениях исторические мифы советской эпохи, В. Шаров создает модели, исторические метафоры, главная задача которых – направить читательский взгляд на человека, запертого в обстоятельствах; человека, движимого идеей определить и понять ценность окружающей действительности и Другого, рассмотреть варианты возможного. Так, Вера Радостина, главная героиня романа «Старая девочка», которая по сюжету под давлением обстоятельств «погружается» в свои дневники и постепенно останавливает ход личного времени, а после отправляется назад, в прошлое, таким особенным образом реагируя на жизненные перемены, своим путем реализует идею изменить настоящее, определить, сможет ли она вернуться к тому, что было, к людям, которых она потеряла.

В романе В. Шарова, повествующем о жизни Веры Андреевны Радостинной, о её боли и потерях (мужа, детей, друзей, своей прежней жизни и личности в целом), схожих с утратами миллионов людей 30-х годов XX столетия; о её «побеге» от действительности через обращение к дневниковым записям, которые она делала каждый день на протяжении всей жизни; о преследованиях со стороны власти и НКВД и поисках ответов на словно несуществующие

вопросы, об изменениях судьбы и попытках справиться с хаосом мира, эта самая «старая девочка» борется с реальностью, буквально отстраняясь от жизни, уходя от настоящей действительности выбранным именно ей методом, столь же ярко и целенаправленно, как и Иов «бунтует против Бога» (*«В Ветхом Завете и вправду никто столько не бунтует против Бога, не обвиняет его в несправедливости, а главное, никто не делает это так убедительно»* [2, с. 220]).

В «Старой девочке» история, стремительная и хаотичная, с одной стороны, но слабая и хрупкая, зависящая от дневниковых записей Веры-творца, с другой стороны, и является объектом метафоризации автора. Автор перемежает историческое и бытовое, привычное и иррациональное, например, фантастические перемещения Веры по воспоминаниям, зафиксированным в «амбарных книгах» ее дневника. Он переворачивает объективное субъективной стороной к читателю и отражает индивидуальное видение истории, совмещающее в себе и глобальное, и философское, и этическое, и религиозное, и (главное!) частное, человеческое понимание мира (*«Сколько бы она ни играла в революцию, она была из жизни, где платья обязательно шили с оборками, где в комнатах стояли любимые диванчики, а на ломберных столах – голубые фарфоровые лампы. Из мира, где в саду из-под корней трехсотлетнего дуба бил родничок, а в самом доме каждый день музицировали, пели романсы и арии»* [2, с. 164]).

Помимо прочего, история в романе складывается, как пазл, из судеб всех любящих Веру людей, готовых прождать её пятнадцать лет, болеть за нее в единении и в одиночестве, возвести в культ и сформировать собственную веру в героиню (*«...они – одно целое, один народ. Народ Веры»* [2, с. 343]).

Время, по фабуле, творится шагами Веры Радостиной, сделанными ей по догадкам Смирнова, Ерошкина, Сталина. Повествование перескакивает через месяцы или даже годы, однако универсальной единицей для Шарова является день. Именно она так много может рассказать о человеке, об эпохе, а также о вещах, на первый взгляд совсем не требующих учёта: ведь именно Верино внимание к деталям каждого дня, к «мелочам» (например, выбор материала блузки или пуговицы на ней) делает её практически неуязвимой для боящейся героини политической верхушки.

Никто не в силах помешать Вере Радостиной вследствие того, что шаги, уже сделанные ею или только предстоящие, – это подробно записанные мгновения, и каждое из них является тончайшей нитью памяти, за которую можно потянуть и уйти так далеко, что и не остановишь.

История в произведении Шарова оказывается неразрывно связана с документом, её подтверждающим, её кодифицирующим, однако затрагивающим в большей степени сторону частную и «малую» (в особенности работу памяти), нежели непосредственно событийную и глобальную. Этим документом становится дневник Веры, который говорит за нее, становясь рупором памяти героини, и возводит её жизнь в ранг нерушимого.

По мнению К.А. Сундуковой, «для романа как жанра память – это содержание работы внутреннего мира личности, в котором, однако, то встречаются, пересекаются, то конфликтуют или приходят к различным формам отождествления «я» и «другой», «я» и «не-я», личные и внеличные аспекты восприятия, прошлое и настоящее» [6, с. 15]. Тексты, в которых память играет сюжетобразующую роль, являются мнемоническими, принадлежащими к мнемоническому дискурсу. «Старую девочку» можно причислить к подобного рода текстам, так как Вера в романе «строит» себя благодаря обращению к записанным воспоминаниям, к дневнику (*«Впервые за долгое время ей чего-то по-настоящему хотелось, и она представила себе, как будет читать дневник от своей последней записи назад, день за днем, все эти двадцать блокнотов, общих тетрадей и амбарных книг и, наконец, хоть на неделю или на две сможет забыться»* [2, с. 84]). Героиня, признавая бессмысленность своей жизни за границами прошлого, идет назад изо дня в день в стремлении прийти к самой себе, сотворить заново свою историю на фоне истории общей.

Отметим, что Вера является субъектом в романе только в начале и в конце, большая же часть повествования направлена на воссоздание памяти героини посредством деятельности иных героев (Ерошкина, Смирнова, группы подозреваемых, в том числе и Берга-старшего): любящие её люди ценой собственной истории добровольно становятся элементами эксперимента-расследования и приходят к выводу, что вместе они представляют собой словно восстановленную версию Веры: каждый хранит отрывки воспоминаний, объединяющих персонажей с главной героиней. Можно отметить некоторый временной парадокс: подозреваемые, «народ» Веры, в противовес главной героине, которая движется в сторону прошлого, застопорились в настоящем в ожидании её – они как бы остановили ход своего личного времени, физически продолжая жить. В связи с этим, время в романе предстает не только в его трехчастном виде (прошлое, настоящее, будущее), но и рассматривается в аспекте безвременья.

Таким образом, роман В. Шарова «Старая девочка» написан в русле формирующейся тенденции современной литературы к работе с проблемой памяти и к формированию особого взгляда на историю, как «малую», преумножающую роль личности в событии, которое вовлекает многих, так и «большую», общезначимую. Память и история становятся, таким образом, категориями, образующими и движущими сюжет романа.

Литература

1. Сундукова К.А. Память как поэтологический принцип в искусстве романа (на материале творчества Г.И. Газданова, В.В. Набокова, Ю.В. Трифонова): Дис. канд. филол. наук. Самара, 2018. 217 с.
2. Шаров В.А. Старая девочка. М.: Астрель, 2013. 478 с.